

Литература

1. Бертош А. А., Бертош В. В. Историко-культурное наследие Мурманской области: потенциал использования в профессиональном образовании // Актуальные вопросы образования в XXI веке: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 29–31 марта 2016 года / отв. ред. Т. В. Белевских. Мурманск: МАГУ, 2017. С. 46–50.
2. Музейный гид. Рекомендации по проектированию, изготовлению и установке информационных модулей для номинации «Музейный гид по России "Страна-музей"»: [презентация] / Благотворительный фонд Владимира Потанина. URL: <http://www.museum.fondpotanin.ru/docs/presentations> (дата обращения 10.03.2017).
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 22.10.2014 № 315-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170104/
4. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ. (ред. от 05.04.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/
5. Объекты культурного наследия, включенные в реестр / Комитет по культуре и искусству Мурманской области. URL: https://culture.gov-murman.ru/napravleniya-deyatelnosti/okhrana-obektov-kulturnogo-naslediya/objects_for_reestr/ (дата обращения: 10.03.2017).
6. Овсянникова Т. Ю., Скуридина Ю. Б., Котова О. В. Оценка рисков утраты недвижимых объектов культурного наследия общества // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2009. № 3 (7). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-riskov-utraty-nedvizhimyh-obektov-kulturnogo-naslediya-obschestva> (дата обращения: 13.03.2017).
7. Состояние историко-культурного наследия / Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры. URL: <http://www.voopik.ru/our-heritage/status-cultural-heritage> (дата обращения: 10.03.2017).

О. А. Бодрова

Центр гуманитарных проблем КНЦ РАН, Анапиты, bodrova@rambler.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Как известно, региональный брендинг — это создание привлекательного образа, своего рода имиджа региона с различными целями: политическими, экономическими, культурными, туристскими и пр. Большое значение для формирования массовых представлений о Кольском полуострове имеет этнокультурный компонент, зачастую именно по этническим образам (брендам) идентифицируют регион Мурманской области.

Как и любые бренды, этнические бренды строятся на некоторых мифологемах: ярких сюжетах, легендах, стереотипах, массовых представлениях. Наибольший потенциал в этом процессе имеют этнические культуры постоянного населения: коренных жителей Мурманской области саамов и старожилов поморов. Очевидно, при этом ставка делается на культурную «самобытность» данных групп. Мифологемы сводятся в основном к двум сценариям. Первый затрагивает группу кольских саамов, которые представлены как народ, сохраняющий свою традиционную культуру, несмотря на проникновение отдельных элементов «цивилизации» в их быт. В презентациях саамской культуры преобладают такие культурные реалии, как традиционные виды жилища, комплект или отдельные предметы национального костюма, оленеводство, сейды — «священные камни саамов». Центром саамской культуры обыкновенно прокламируется Ловозерский район.

Второй сценарий касается истории заселения Кольского полуострова поморами. Тиражируются представления, в которых поморы устойчиво ассоциируются либо с общерусской, либо с мифической общесеверной культурой, отражающейся в стереотипах восприятия Севера как метапространства со специфическими природными и культурными особенностями, в частности, с повышенной «духовностью» северян [8]. В отношении группы кольских поморов брендинг Мурманской области направлен на традиционные места туристического паломничества — сакральные объекты (церкви, часовни) на территории поморских поселений (рис. 1). Большим спросом в сфере внутреннего туризма пользуются поморские праздники, которые проводятся на Терском берегу Белого моря. Символически и территориально с ними связаны различные молодежные и музыкальные фестивали. Одну из центральных позиций во время проведения этой мероприятия занимает направление так называемой «этнической музыки», представляющей собой стилизацию этнокультурных жанров, сплав этнических и современных элементов, адаптированной под массового слушателя.

Миф об общесеверной культуре, так же как и о Русском Севере, хотя и занимает важное место в процессе регионального брендинга, все же является весьма неоднозначным. Вопреки слову «русский» в его названии, Европейский Север России (Северо-Западный федеральный округ РФ) никогда не являлся сугубо русской территорией, а был и остается полиэтничным регионом [11, с. 76], хотя и с численным превосходством этнической группы русских — 80,75 % (согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. [3]). При этом

надо отметить, что в результате постоянного снижения численности русской части жителей Мурманской области (в том числе за счет уезжающих с Севера), а также ее пополнения «новыми мигрантами» из бывших союзных республик доля нерусских этнических групп в составе населения Русского Севера постоянно возрастает. Таким образом, Русский Север, несмотря на тиражирование мифа, становится русским все меньше. И это как раз пример того случая, когда реальное и воображаемое пространство (реальность и бренд) сильно отличаются друг от друга.

Рис. 1. Успенская церковь, село Варзуга. Фотография Г. Ильина

Значительное место в формировании образа региона занимают коллективные представления о природно-географических особенностях края. В процессе этнического брендинга Мурманской области, например, большую роль играет «саамская» топонимия, которая обладает огромным туристским потенциалом, особенно фольклорные сюжеты, имеющие привязку к природно-географическим объектам Кольского полуострова: горам, водоемам, островам и пр. Но, возможно, наиболее интересны в аспекте регионального брендинга этнические природные символы — образы, отражающие в обобщенно-чувственной форме овеществленные стереотипные представления об этнической группе.

В зависимости от вектора символизации (направленности на свою или другую этническую группу) выделяются этнические экзосимволы, отражающие широко распространенные представления о саамах и поморах, и эндосимволы (среди них, в первую очередь, национальные символы: саамский язык, национальный костюм [4]). При этом один и тот же символ может одновременно относиться как к экзо-, так и к эндосимволам, например, *олень*, символизирующий группу кольских саамов (рис. 2), или *вода/море* в качестве этнического символа, связанного с группой кольских поморов.

Этнические символы находят отражение в представлениях не только о материальной культуре этнической группы (главным образом, об основном хозяйственном промысле), но и о духовной культуре. *Олень* не только ассоциируется с материальной основой жизни саамов, но и выступает «основным символом аборигенной культуры» в качестве «практически единственной возможности сохранить себя, традиции своего народа» [7], он также восходит к одному из главных тотемных образов кольских саамов — Мяндашу (дикому оленю), закрепленному в фольклорной традиции и обрядовой культуре [10]. В культуре русского субэтнуса поморов подчеркивается их обособленность от «большого» этноса русских, построенная на специфике хозяйственного комплекса, так или иначе связанного с морем, что отражается в их этнониме, образе жизни, материальной культуре, праздничных ритуалах и устной традиции [5].

Рис. 2. Северный олень — этнический символ группы кольских саами. Фотография Г. Ильина

Наиболее статичными, а значит, устойчивыми в контексте брендинга являются эндосимволы, например, *рыба* у поморов, которая символизирует не только основной промысел и пищу, но и воспринимается как символ благополучия, а также может служить идентифицирующим и дифференцирующим признаком при противопоставлении двух локальных групп поморов [1]. Этнические экзосимволы, наоборот, динамичны, способны меняться со временем. Если до середины XX в. *олень* являлся главным этническим символом саамской культуры, несмотря на то, что стереотип об оленеводстве как основном занятии саамов фактически не соответствовал действительности, то со второй половины XX в. символические связи между саамами и оленеводством в массовом сознании ослабевают, формируются представления о том, что кольские оленеводы не настолько погружены в «оленье мышление», как их чукотские и ямальские коллеги [6].

Актуальной в настоящее время является этническая символика, связанная с материалом — деревом и камнем [2]. *Дерево* символизирует группу кольских поморов, в поселках которых деревянными являются большинство построек, тротуары, православные культовые сооружения. Этническим символом кольских саамов является *камень*, отражающий широко тиражируемый в массовых источниках древнесаамский культ сейдов, в отношении которых используется метафора В. В. Чарнолуцкого «летучий камень» [9]. В описаниях природных особенностей Кольского Севера, который характеризуется как «страна камня», превалирует изображение «каменного» ландшафта — валунов, скал, ущелий.

Сейчас акценты в развитии региона смещаются от промышленного освоения, горнодобывающей индустрии в сторону туристско-рекреационного потенциала Мурманской области. Поэтому этнические символы, которые не только воспроизводят этнографические факты, но и репрезентируют экзотический образ «другого» и природно-географическую специфику края, имеют большую актуальность в контексте регионального брендинга и развития туризма.

Литература

1. Бернштам Т.А. Глава 1. Этнографическая характеристика локальной ситуации в XIX–XX вв. и ее историко-культурные истоки (население, хозяйственно-бытовой уклад, духовная жизнь) / Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп / Ред.-сост. Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 209–259.
2. Бодрова О. А. Этнокультурный облик Кольского Севера в периодических печатных изданиях (на материале журналов послевоенного периода) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. Вып. 7 (27). С. 29–46.
3. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
4. Декларация. 19-я Саамская конференция, Рованиemi, 29–31 октября 2008 г. URL: http://www.saamicouncil.net/fileadmin/user_upload/Documents/Julgg%C3%A1%C5%A1tusat/SR_mall-Rovaniemi_Declaration_2008_RUS.pdf.
5. История семьи Жидких на фоне поморской культуры: исследование и публикация по материалам Г. Ф. Белошицкой / общ. ред. и вступ. статья И. А. Разумовой. Апатиты: КНЦ РАН, 2013. 184 с.

6. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры / А. В. Головнев и др. Екатеринбург: Альфа Принт, 2015. 132 с.
7. Новикова Н. И. Как защитить права оленеводов: Третья международная летняя школа по юридической антропологии // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н. И. Новикова. М.: Стратегия, 2003. С. 9–23.
8. Разумова И. А., Петров В. П. Проблемы и перспективы социально-антропологических исследований этнокультурной ситуации на Кольском Севере // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе. Апатиты: КНЦ РАН, 2005. С. 108–118.
9. Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. Записки этнографа. М.: Мысль, 1972. 299 с.
10. Чарнолуский В. В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. Таллин: Тартуский государственный университет, 1966. Вып. 11. С. 301–317.
11. Шабаев Ю. П. «Русский Север» в этнокультурном и этнодемографическом измерении // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. № 3. С. 75–81.

**А. Я. Докучаев, К. В. Лобанов, В. Н. Смольянинова, А. В. Каргин, Е. Б. Курдюков,
А. Б. Лексин, Е. В. Юткина, М. К. Суханов, М. В. Гирнис**

*Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ) РАН,
Москва, dok@igem.ru*

К ИСТОРИИ МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ: МАТЕРИАЛЫ ИЗ РУДНО-ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИГЕМ РАН

В 2016 г. Мурманской (Кировской, ныне Октябрьской) железной дороге исполнилось 100 лет. Утром 20 января 1916 г. товаро-пассажирский поезд отправился из деревушки Званка (прежнее название города и станции Волхов) и в полдень 21 января прибыл в Петрозаводск, преодолев 240 верст.

Начиная с 1861 г., после отмены крепостного права, неоднократно выдвигались проекты строительства железнодорожной линии, которая соединила бы Карелию с центральными районами России. Среди многих наиболее близких к реализации был план строительства дороги Петербург — Петрозаводск — Кемь с доведением в последующем линии до незамерзающего Кольского залива. Проект активно поддерживал архангельский губернатор А. П. Энгельгардт: «...железная дорога на Мурманский берег, воды которого круглый год открыты для навигации, делая Россию фактической обладательницей Северного океана в течение всего года, могла бы служить целям нашего военного флота и иметь значение важного стратегического пути» [4, 7]. Олонечское и Петербургское земства поддержали этот проект, и в 1894–1895 гг. несколькими инженерами проводилось обследование трассы предполагаемой железной дороги. В 1895 г. министр путей сообщения М. И. Хилков во время пребывания в Петрозаводске сообщил представителям земства о «высочайшей воле» строить железную дорогу [3, 10].

В архивах Рудно-петрографического музея хранится адресованное императору Николаю II письмо академика Ф. Б. Шмидта и адъютанта Ф. Н. Чернышева о возможности прокладки рельсового пути на Кольском полуострове (рис. 1, 2) [2].

Содержание этого документа следующее:

Ваше Императорское Высочество

На запрос А. Д. Голохвастова, представляет ли тундра болото, не допускающее проложения по ней рельсового пути, имеем честь сообщить, что ходячее понятие о тундре, как о болоте, представляет плод недоразумения, так как научное понятие о тундре соответствует лишь областям, лишенным лесной растительности. На Кольском полуострове, например, местные жители называют тундрой высочайшие точки этого полуострова. Характер тундры бывает трех родов: а) каменистая тундра, соответствующая обнаженной поверхности каменистых горных пород (Хибины тундры и Луавр Юрт на Кольском полуострове, Тиманский камень, полярная часть Урала и т. д.); в) серая моховая тундра, покрытая ягелем; с) болотистая тундра, отмерзающая в большей или меньшей степени во второй половине лета. Каменистая и серая тундра безусловно, не представляют затруднений для проложения рельсового пути, мокрая же тундра, судя по имеющимся фактам относительно мерзлоты почвы, не может считаться также непроходимой при современных технических приемах постройки полотна дешевой дороги. Лучшей иллюстрацией сказанного может служить проложение рельсового пути в северной части Холмогорского уезда, при условиях, не многим отличным от Большеземельской тундры.

В этом отношении представляют большой научный и практический интерес те исследования, которые г. Голохвастов предполагает организовать в ближайшем будущем. Считаем нужным добавить, что барон Толь, много путешествовавший по сибирским тундрам, вполне разделяет высказанные нами соображения.

Академик Ф. Шмидт

Адъютант Ф. Чернышев.